

Сергей Монастырский

Идёт дождь

18+

Сергей Семенович Монастырский

Идёт дождь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63235626

SelfPub; 2020

Аннотация

Все в жизни рухнуло у нашего героя. И он пустился в побег от прошлой жизни, от себя. Просто сел в машину и поехал, куда глаза глядят... Люди, которые встретились на его пути, это судьбы, истории жизни, истории любви, просто истории.

Сергей Монастырский

Идёт дождь

Новая жизнь не заладилась с самого начала. Моросило. Серое полотно дороги сливалось с серой и грязной обочиной. Лобовое стекло то и дело заливали потоки от встречных обгоняющих машин, и вместо того, чтобы спокойно и безмятежно думать о предстоящей новой, совершенно неизвестной жизни, как красиво представлял это себе Вадим в начале своего бегства, приходится напряженно всматриваться в размытую дождем дорогу и ловить взглядом очертание обочин.

Прошло уже три часа, как он затолкал свои немногочисленные вещи в рюкзак, оставил деньги для хозяина на замызганном кухонном столе в не так давно арендованной квартире, позвонив тому, что ключи – в почтовом ящике, и навсегда захлопнул дверь в старую жизнь.

В старой жизни он оставил жену с десятилетней дочкой, от которых ушел полгода назад по причине внезапно нахлынувшей большой любви к замужней женщине. Осталась в той жизни и эта любовь, которая, наконец, совершенно определено сказала ему, что больше так продолжаться не может, и выбор она сделала не в пользу Вадима, с которым ее связывало только безумное чувство и безумный секс, а с мужем долгая простая жизнь и надежное будущее.

Ну, понятно, – надежное и обеспеченное будущее – это не про него. Кто он такой?! Тридцать шесть лет, рядовой инженер проектного бюро, рядовая зарплата, ближайшая перспектива лет через десять – стать начальником этого самого бюро и получать на пятнадцать тысяч больше. Ну – премии по десятке. Не миллион!

Как заработать миллион, он вообще себе не представлял. А что миллион? Не бог ведь что!

Вот за всю жизнь с прежней семьей он смог кое-как купить вот эту двенадцатилетнюю машину, за которую потом два года расплачивался с банком, да кое-как, собрал на разношерстную мебель в квартиру, которую жена получила от своей матери.

Нет, конечно, на еду и одежду хватало. И все!

Бывает так в жизни. Как – то все посыпалось сразу. Ушел от жены. Ушла любимая. Уволили с работы. Уволили вчера. И, в общем-то справедливо, не надо было в сердцах кричать начальнику, что это его бюро десять лет перечерчивает позавчерашние чертежи вместо того, чтобы фонтанировать новыми идеями и решениями.

–Пиши заявление! – сказал оскорбленный начальник, посвятивший всю свою скучную жизнь позавчерашним чертежам, -и иди, устраивайся там, где проектируют!

... Куда он едет, зачем он едет, Вадим не знал. Может, осядет где-то, может – нет. Но уж не вернется – это точно.

Все в прошлом. Кроме нее. Ее звали Светлана. Но и она

когда-нибудь останется в прошлом.

Письмо Светлане

Впервые за свою жизнь я свободен сейчас от всего. Только не от тебя. Ну, не могу я тебя вытравить из себя! Мне кажется, это никогда не пройдет. Хотя проходит все. Я простился с тобой по телефону. Лично – ты не захотела. Да и я не захотел. Вернее боялся, что увижу тебя и останусь. И опять пойдет эта мучительная жизнь...

Я сказал, что уезжаю. Ты все поняла. Не задавала глупых вопросов.

– Спасибо. – сказала ты.

– Ты даже не спрашиваешь: куда?

– Не говори, – ответила ты, – А то вдруг сорвусь и начну тебя искать!

– Ну, пока.

– Пока ... Нет, постой! Нет, все-таки – пока!

И повесила трубку.

Ты знаешь, я все же ждал, что позвонишь. Уехать хотел сразу же, но вот.... Вдруг позвонишь. Остался до утра. Потом не спал. Телефон лежал рядом, чтобы не проспать.

Но нет. Не позвонила. Наверное, из нас двоих, девушка – это я!

Вот еду. Думаю, что не о чем не думаю. Очнусь – оказывается, все это время писал тебе письмо. В голове. Да. По ватсапу все равно нельзя – муж может прочитать.

А так ничего. Еду. И по-прежнему показываю тебе разные

виды, пролетающие за окном.

Ты же помнишь, это было наше любимое занятие в любви – сорваться на часок – другой из города, свернуть с большой трассы куда-нибудь в поле и показывать друг другу всякие красивые пейзажи, срывать цветы в лугах...

Как-то в одном из ромашковых полей я признался, что мечтой моей юности было – раздеть девушку в ромашках. И ты немедленно разделась. Секс в ромашках оказался неудобным – кусали овода и жучки. Мечта пропала. Но было очень красиво. Я тоже спросил о твоей эротической мечте. Ты может быть в шутку, сказала, что хотела бы переспать с негром.

Нет проблем. Я весь перемазался гуталином – ничего другого в голову не приходило – и на твой звонок в дверь моей арендованной квартиры, встретил тебя в этом виде голым. Секса с негром не получилось, так как негр мог перепачкать белую женщину. Да и вообще, секса не получилось, потому что все время, отведенное тобой на свидание, отмывали меня в душе.

Но было весело...

.... Стоп, малыш, меня тормозят!

Пост ДПС был еще метров за двести, но гаишник указывал жезлом остановиться.

Поравнявшись, Вадим послушно затормозил.

– Далеко едем? – козырнул ему промокший на дожде лейтенант.

– Да черт его знает ... – откровенно сказал Вадим.

Гаишник, принявший это за шутку, однако не улыбнулся.

– Документы! – привычно протянул он руку. Так же привычно Вадим протянул документы.

Недолго поизучав их, лейтенант положил их в карман и не обещающим ничего хорошего голосом позвал:

– Пройдемте!

Вслед за риторическим вопросом, «А что я нарушил?» Вадим поднялся по лестнице в будку.

– Что там? – оторвался от чего-то увлекательного в телефоне капитан.

– Да вот, товарищ капитан, пересек сплошную линию с выездом на встречу! – отрапортовал лейтенант.

– Да? – удивился капитан – Ну, наглец! Прямо на глазах сотрудников полиции. Лишение прав на три года!

– Где это я пересек?! – задохнулся от возмущения Вадим. – Да у вас же здесь везде камеры. Покажите запись.

– Грамотный товарищ! – одобрил капитан – и, обращаясь к лейтенанту – пойдь, покажи.

Лейтенант ушел. Через пять минут он вернулся с мокрым от дождя и с дрожащим от испуга невзрачным человечком.

– Водитель фуры Иванов Игорь Валерьевич, – отрапортовал лейтенант. – Ехал сзади того гражданина, засек нарушение, позвонил на пост.

– Как это он ехал сзади, когда при остановки моей машины у поста ДПС никаких машин ни сзади, ни спереди не бы-

ло! – все еще не понимал суть происходящего Вадим.

– Где это было? – спросил лейтенант у Иванова

– Где? – испуганно спросил Иванов.

– На сто четвертом километре, за десять километров до поста. Потом вот этот гражданин пошел в отрыв. – Правильно? – спросил он у Иванова.

– Ну, как – то... Может я не заметил? – неуверенно начал Иванов.

– Слепой, значит? – Ну, давай медицинскую справку! Нету? Тогда давай, пусть протокол подпишет, и катится с богом!

– Ладно, – вдруг сказал капитан – Тогда давай, пусть протокол подпишет, и катится с богом! Документы на всякий случай запиши, а Иванова отпусти. А то обделается прямо здесь. Убирать придется!

Когда сияющий счастьем Иванов опрометью сбежал по лестнице, капитан весело улыбнулся Вадиму.

– Из Москвы едешь? А почему без прав? Двести километров уже отмотал.

– Как без прав? – Вадим все еще не въезжал. – Вы же их в руках держите!

– Да ну? – удивился капитан. – Лейтенант, дайка зажигалку!

Он высек огонь и поднес его к правам.

– Смотри, парень, – так же весело обратился он к Вадиму, – одна секунда, нет прав только пепел останется. Осталь-

ное ты будешь доказывать в суде. Пока же колымагу твою мы поставим на штраф стоянку.

– Что вы хотите? – угрюмо спросил уже все понявший Вадим. Никакого другого выхода у него не было.

– Полтинничек, – отчеканил капитан.

– Пятьдесят тысяч? – на всякий случай уточнил Вадим. И вдруг обрадовался.

– А у меня их нет!

– Бывает, – согласился капитан. – Тогда машину на штраф стоянку и звоните друзьям – пусть перечислят на карту. За бензин то, небось, картой расплачиваешься.

– А если я позвоню не друзьям, а куда надо?! – расшвырянул Вадим.

– Ты смотри, какой! – совсем развеселился капитан. – Ну что, лейтенант, сжигаем удостоверение? – и опять чиркнул зажигалкой.

– Ладно! Все! – уже серьезно испугался Вадим. – Дайте пройти к машине.

Деньги у Вадима были. Тысяч семьдесят, это все, что у него оставалось на день побега. На них он собирался продержаться месяца три, а там куда-нибудь кривая выведет. Может, осядет где-то.

... С поста ДПС Вадим рванул с такой яростью, что лейтенант даже засвистел в вдогонку.

Денег было жалко. Но еще больше колотило, от того что вот так, запросто, у него отняли эти деньги. И кто?! Государ-

ственные люди!

... В этой ярости он уже ехал, не разбирая дороги, пролетев несколько перекрестков, он вдруг понял, что уже не знает, куда это он едет.

Да не все ли равно? Определенной цели у него не было. Просто ехать и ехать, и не останавливаться. Но остановиться пришлось. Впереди в серой мгле дождя маячила темными очертаниями женская фигура, отчаянно махающая рукой.

Дождь, холодная дорога, размокшее поле вокруг ... Вадим остановился.

– Не подвезете? – залитое дождем лицо девушки вдруг осветилось счастливой улыбкой.

– А вам куда?

– Мне по дороге, – засмеялась девушка, – чем дальше, тем лучше.

– А куда ведет эта дорога? – вдруг опомнился Вадим.

– А вы не знаете? – удивилась она.

– Да мне все равно, – честно сказал Вадим – Садитесь!

– У меня вещи.

Вещей оказалось немного – пластиковый чемоданчик на тележке на колесиках, да рюкзак.

Затолкав все это в багажник, поехали.

При ближайшем рассмотрении девушка оказалась довольно симпатичной, и протянув узкую ладонь Вадиму, она сразу представилась:

– Настя! – и тут же спросила:

– А почему вам все равно, куда ехать? Вы что-то кажется мне опасным.

– Зачем же вы сели? – удивился Вадим.

– Ну, я автостопом езжу, – призналась девушка. – К кому–то садиться все равно надо. Не угадаешь. Но имейте в виду, я девушка бывалая, езжу не первый год, постоять за себя смогу!

– Да, не бойся ты! – всерьез рассердился Вадим, я действительно еду куда попало. Удрал!

– Из тюрьмы?! –

– Сама ты из тюрьмы! От себя, от прошлой жизни. Понятно?

– Понятно! – вдруг серьезно сказала Настя. – Я ведь тоже в определенном смысле всегда от чего-то удираю!

– Что, так плохо?

– Да нет, плохого ничего нет. Просто хочется чего-то, такого чего нет. Вот и езжу. Автостопом. Нас таких много. Знаешь, как интересно!

– Но деньги–то все-таки надо? На еду, на ночлег. Папа дал? – насмешливо спросил Вадим.

– Папа – нет. Я сама зарабатываю.

Вадим заинтересованно повернулся к Насте.

– Нет, нет, не тем чем ты подумал. Я не по этой части. Кстати, давай договоримся – об интиме даже не думать. Я вообще лесбиянка!

– Ну, это ты, пожалуй, врешь! – уверенно сказал Вадим.

– Вру, не вру, – интима не будет!

– Да, ладно тебе, – согласился Вадим – Ты не в моем вкусе в обще – то.

– А теперь ты врешь!

– Хорош, Настя! Везу тебя и везу! А кстати, куда?

– Я вообще–то до Грузии хочу добраться. Может, поедем вместе?

– Это далеко! – вздохнул Вадим.

– Далеко! – согласилась Настя. – Ну, куда-нибудь в ту сторону.

В какую сторону Вадиму было все равно. Как и то, куда он поедет завтра.

Но сегодня до ночи нужно было куда-то доехать. Уже вечерело.

– Настя видимо угадала его мысли.

– Знаешь, что? – сказала она, включив навигатор в мобильнике. – Давай доедем до того райцентра, там и заночуем в районной гостинице, там дешевле! А деньги на ночлег и ужин заработаем. Я потом тебе расскажу.

... Тихий городок уныло размокал под дождем. Двухэтажное здание местного отеля ни как не обещало комфортного отдыха.

Для нас – автостопщиков – дело привычное, – сказала Настя. – И ты привыкай.

В одноместные номера, которые снял каждый за свои деньги, сразу пахнуло забытым уже в Москве, Советским

Союзом. Скрипящие железные кровати с никелированными спинками, разохшиеся тумбочки и конечно верх уюта – болтающаяся под стеклянным плафоном – лампочка в середине потолка.

– Да, – подумал Вадим, – за тысячу двести это дорого!

И через полчаса постучала Настя – Пошли ужинать, – командовала она, – я узнала, где тут местный бар с караоке.

– Петь будешь? – пошутил Вадим.

– Танцевать! – засмеялась Настя.

... Оказывается, Настя не шутит. Зайдя в бар и усадив Вадима за свободный столик, она напрямик направилась к администратору.

Через минут десять она вышла довольная и подойдя к Вадиму дала инструкцию:

– Я договорилась. Сейчас тебе принесут меню, выбери на двоих что хочешь тысяч на полторы. Тебе принесут.

– А ты? – удивился Вадим.

– А я, – улыбнулась Настя, пойду, заработаю на ужин. Теперь так, – она вынула из рюкзака, с которым пришла, косынку и черную повязку. – Когда я закончу танцевать, ты надень косынку, как бы ты пират, повязкой перетяни глаз и пойди по кругу с тарелкой, собери деньги!

–Э! – заикнулся, было, Вадим, но Настя подхватила рюкзак и скрылась в кабинете администратора.

Минут через десять администратор подошел к микрофону и радостно прокричал:

– Ребята, девки! Внимание! Небывалый в нашем крае случай! Прямо из Испании, только что с самолета...

– Где тут садиться самолет? – заорали из зала.

– Вы что! Дурни! Шуток не понимаете?! И так, прямо из Испании у нас известная танцовщица, исполнительница фламенко, Настасья Костаньетова! И прямо перед притихшим от удивления залом, добавил:

– Исполнение платное. Очень оне кушать хотят! Не пожалейте, ребятушки!

И сунул флешку в аппаратуру.

Взвилась мелодия фламенко. И из кабинета администратора, ритмично отбивая мелодию каблуками и эротично взмахивая ярко – красным цветным платьем, выплыла Настя.

Видел, конечно, Вадим в своей жизни исполнение фламенко, но такого прекрасного, как ему казалось, не видел никогда.

Орущий и не впопад где–то уже поющий в начале зал небольшого бара, застыл в мертвой тишине.

И когда кто–то уже сильно поддавший что–то одобрительно выкрикнул, его тут – же сердито оборвали.

... Фламинго кончилось. Зал восторженно заорал и заулюлюкал. Вадим уже собирался, как учили, пойти с тарелкой, как зал заорал:

– Давай еще!

– Даю! – прокричала Настя.

И еще полчаса под испанскую музыку, записанную на ее флешку, танцевала какие – то, по мнению Вадима, уже цыганские танцы.

Зал тоже пошел в полупьяный пляс. Внезапно Настя остановила музыку и просящим голосом проговорила:

– Дайте покушать!

Вадим пошел по столикам. На тарелку сыпали и бросали щедро.

– Братан! – схватил за руку Вадима, бросая пятисотку, здоровенный бугай, – пойди, познакомь!

– И Вадим, громко отсекая все дальнейшие предложения, крикнул:

– Ребята, это моя жена!

– Ну что, муж, – благодарно улыбнулась Вадиму вернувшиеся уже переодетая Настя, – много заработал?

– Да я еще не считал, – признался Вадим, неудобно как-то при всех. Но на вид, не менее трех тысяч!

– Ого – Настя была довольна, оглядывая заставленный тарелками стол.

Ужин был неплох. И даже с пивом.

– Где это ты так научилась? – поинтересовался Вадим.

– Знаешь, я разносторонняя, во всякие секции и кружки ходила всю жизнь. Так что со мной не пропадешь! Поехали вместе?!

– Не знаю, – честно ответил Вадим – я еду просто куда-нибудь. Понимаешь, где захочу, туда и сверну. С тобой так не

получится.

– Не получится, – согласилась Настя. – Мне в Грузию надо.

Письмо Светлане.

Где-то в тьму тараканье. Случайная гостиница. Случайный номер, случайная девушка, с которой познакомился за стеной в соседнем номере. Не спиться, малыш. Не потому, что за стеной девочка. Представляешь, она меня не интересуется. Сам удивляюсь. Наверное, ты вытравила из меня всех девочек на свете.

Я очень по тебе скучаю. Может, потому что за окном идет дождь. Может – не поэтому. Даже в этой тухлой гостинице, даже на этой панцирной кровати, представляешь, если бы мы лежали вдвоем, никакого другого счастья нам бы на свете не нужно было бы!

А может быть то, что все кончилось, и правильно. Ведь у нас был, так сказать, гостевой брак. Свиданья, поездки на машине, в общем – часовые встречи – как праздники по средине будней. Никакого быта, никакого мелькания друг перед другом с утра до вечера. Может так, а может, и нет. Я тебя так люблю, что мне кажется, даже яичницу на сковороде мы бы готовили, обнявшись вместе! Ни секунды простоя! И в общем, я думаю, нам даже можно было бы не одеваться. Что время терять! Если сложить часы и минуты за все это время, что мы были вместе, наверное, получится более двух меся-

цев. Да, ты права, когда сказала, что это – не супружеская жизнь. Это букетно-конфетный период. А может, это случай уникальный, и мы бы так прожили всю жизнь?!

Нет. Такого не бывает. А ты сказала, что только так и должно быть! Что ж у тебя – то в семье не так?! И у меня не так?! И ни у кого не так, из тех, кого я знаю!

... Ладно, пойду засыпать. Спокойной ночи, малыш! Или пойду к девочке за стенкой.... Шучу. Она же лесбиянка.

Утром посветлело. Дождь перестал. Сквозь тучи даже проглядывало солнце.

Настя, договорилась, что Вадим довезет ее до большой развязки, где она будет искать попутку до Краснодара. Цель у нее была. А у Вадима не было. Но он и хотел ехать – без дела, не представляя конечного пункта.

До развилки было не близко, километров триста. И чтобы завести какой-то разговор, Вадим спросил:

– А что же в Грузии ты забыла?

– Бабушку, – ответила Настя.

– Живет она там?

– Нет. Она давно умерла. Я ее и не видела ни разу. И не знаю, где похоронена. Буду искать.

– Как это?

– Ну, город знаю. Это в Сванетии. Там мало народу живет. Все друг друга знают. Найду.

Рассказ Насти.

Затерянная в горах, оторванная расстояниями от остальной Грузии, Сванетия, старинная грузинская земля, старинные нерушимые законы и традиции. Прекрасная сванетская земля, суровые, непреклонные сваны.

Старинные, сохранившиеся с древности сванские башни из камней возле домов, в которых местные жители прятались от набегов врагов и из которых выходили ночью и истребляли их. Использовались они иногда и сейчас. Когда нужно было спастись от кровной мести. Кровная месть во времена Настиной бабушки еще была. Отомстить было делом чести. Но таким же законом чести было и то, что нельзя убивать безоружного человека – шансы должны быть равными.

Поэтому от мстителей в этих башнях можно было прятаться месяцами – запасов еды и воды хватало.

В одной из таких деревень и жила семья Нино – будущая Настина бабушка. В этой же деревне жила и семья юного Ираклия – кудрявого красавца, с огромными оленьими глазами. И как водится, случилась у них первая в их жизни романтическая и страстная любовь. Времени для любви было немного. Жизнь в каменистой выжженной солнцем местности была тяжелой.

Но вечерами, после домашней работы, уходили они на край деревни, садились на обрывистый берег горной речушки и мечтали о будущей жизни, о детях, о собственном доме.

– Собирайся, Нино, – сказал как – то вечером отец , – на-
день все самое лучшее, мать уже собрала, поедem завтра сва-
таться.

– За Ираклия?! – счастливо воскликнула Нино.

– Какой еще Ираклий! – рассердился отец. – Сопляк,
мальчишка! Что за ним есть?! Такой же бедный род, как наш.
Едем в соседнее село, к Георгию Катабидзе. Богатый, уважа-
емый род. Видели они тебя, понравилась ты им. И сыну их
понравилась. Постарше он тебя, тридцать лет – пора ему же-
ниться.

Небо обрушилось над Нино! С почерневшим лицом и вы-
плаканными глазами ехала она на сватовство. Но отец гроз-
но топнул ногой: – Веселей гляди! Не позорь нас!

Ослушаться было нельзя. Не было у сванов случая, что
отца ослушались.

... Была ночь перед свадьбой.

... За окном сгустился поздний южный вечер, когда в
окошко комнаты Нино раздался негромкий стук.

– Это я, Нино! – услышала она шепот Ираклия.

– Ты, что! Уходи! Не дай бог, брат услышит!

– Нино, я за тобой! – прошептал Ираклий. – Я тебя увезу!
Бежим! Лошадь наготове!

– Нино! Ты меня любишь?!

– Ну, ты же знаешь! Никто на свете мне больше не нужен!

... Всю ночь по горным тропам, через поля и долины ска-
кали Ираклий и Нино. И больше никто их не видел.

... На следующий день об этом говорила вся Сванетия. Из села к селу передавали люди эту новость. Такого позора для семьи жениха не видели давно.

Позором был заклеямен и дом Нино. Глава рода, отец Нино, два дня от горя и стыда не мог выходить на улицу.

На третий день он вышел с ружьем и выстрелил в воздух возле дома Ираклия. Отец Ираклия вышел.

– Твой сын опозорил мой род! – горестно сказал отец Нино. – Ты знаешь законы кровной мести! Дай мне его и я его убью!

– Я знаю закон – сказал отец Ираклия. Моему сыну нет прощения. И я перед тобой виноват, что вырастил такого сына. Но я не знаю, где он!

– Найди его, – ответил отец Нино. – Даю тебе месяц. Через месяц я начну убивать твоих сыновей. По одному в неделю. Найди его!

...Ни чего об этом не знали Ираклий и Нино, скрывшиеся в Кахетию, за сотню километров от своих гор. Приютились они в маленьком лесничестве, где у лесника был летний незашитый ни чем домик.

В большом городе, который был да десять километров от этого места поселиться они не решались – вдруг случайно их увидит какой-нибудь земляк! Грузия – страна маленькая.

Это был счастливый месяц. Единственный счастливый месяц в жизни Нино.

Они не могли налюбоваться друг другом, не могли нахо-

диться по тропинкам ореховых рощ, не могли налюбоваться цветами в полях, ночными звездами в южном небе!

Так и должна длиться жизнь! За этим на эту землю пришли Ираклий и Нино.

... Как – то днем лесник, вернувшийся из города, задумчиво посмотрел на Ираклия.

– Там на базаре знакомых сватов встретил. Говорят, что если парень не найдется, отец жены будет убивать его братьев. Одного за другим.

... Это была последняя ночь Нино и Ираклия.

– Но мы же сбежали чтобы быть счастливыми, плакала Нино на плече Ираклия.

– Я тоже так хотел. Но не твой отец. Мы, может, еще куда-нибудь убежим. Но погибнут все мои братья. Я не могу так поступить. Я мужчина, Нино.

– Ты мой любимый! Мы поедем вместе!

– Нет, Нино. Отец убьет тебя. Так велят наши законы. Ты же опозорила свой род, я свой...

И еще, Нино. Ты должна жить. Ведь ты уже носишь нашего ребенка

... Через два дня Ираклий вошел в свой дом. Встал на колени, склонил голову. Все молчали. Что можно было сказать?! Мать тихо подошла к Ираклию, обняла его голову, поцеловала.

Отец поднялся со скамьи. Пошли. Выйдя на улицу – и подойдя к дому Нино, Ираклий громко крикнул:

– Я здесь!

Отец Нино вышел из дома с двумя ружьями. Один из них кинул Ираклию.

– Я не могу стрелять, вы отец Нино! – сказал Ираклий.

– А я не могу стрелять в безоружного – сказал отец Нино.

И выстрелил.

– Нино – это моя бабушка, – закончила Настя свой рассказ.

– А дальше что было? – спросил Вадим.

– Дальше она родила мою маму, жила в Кахетии.

Маму нашел брат Ираклия, которому он дал слово позаботиться о ребенке Нино. Он увез маму в Москву, где уже тогда работал. Бабушка осталась в Кахетии, хотя была еще очень молодая. Но уезжать не хотела. Через год она вернулась в свой дом в Сванетию, сразу заболела и умерла.

Мама жила в семье дяди в Москве, вышла замуж. Потом родилась я.

– И никто из вас ни разу не ездил на могилу Нино? – спросил Вадим.

– Нет, никто. Вот я еду. Но это так. Я же автостопщица. В каждом путешествии должна быть своя цель.

– Слушай, – спросил Вадим, – а что, автостопщица – это твоя профессия?

– Нет такой профессии. Есть хобби. Два года назад я окончила институт. И пока меня не засосала работа, карьера, се-

мья, муж, дети, хочу поездить. Быть свободной птицей! Тебе что-нибудь не нравится?

– Мне это очень нравится, – честно признался Вадим, – Жаль, мне уже поздно.

... За разговорами доехали до развязки.

– Ну, пока, – попрощалась Настя, неожиданно поцеловав Вадима в щеку.

– Хорошая ты девка, Настя, – с огорчением сказал Вадим.

– Бери замуж, – с готовностью отозвалась Настя.

– Так ты же лесбиянка?!

– Я пошутила! – засмеялась Настя, выходя из машины.

И неизвестно, к чему это относилось: то ли к тому, что замуж, то ли к тому, что лесбиянка.

... Решив на разъезде ехать по прямой, Вадим доехал до заправки. И расплачиваясь у кассы, он впервые подумал, что ехать безмятежно дальше не сможет. После оплаты в кошельке осталось семнадцать тысяч и пять неприкосновенных тысяч на карточке.

Нужно было где-то подзаработать. Танцевать как Настя, он же не умел, да и не было в нем Настенного безрассудства, когда она могла подать себя любым способом, получая за это деньги. Деньги Вадим мог получать только конкретным трудом. Причем, мужским.

В стриптизеры он не годился. Да и с трудом представлял себя расхаживающим в плавках по заправке, да так чтобы девушки из окон автомобилей совали ему за резинку плавков

деньги.

– Привет! – подсел он за столик к дядьке, обложенному амбарными книжками и разбиравшегося с какими-то счетами, угадав в нем, по-видимому, хозяина заправки.

– Нельзя ли где подзаработать?

Дяденька оторвался он бумаг и без удивления взглянул на Вадима.

– А что умеешь?

– Ну, вы скажите, что за работа, а я отвечу, смогу ли!

Дяденька почесал рукой лысину. – Забор из профлиста ставить умеешь? –

– Приходилось, – ответил Вадим, вспомнил свою практику в студенческом стройотряде.

– Сто двадцать метров забора, – уже заинтересованно сказал дядька. – позавчера привезли материал, а эти суки, с которыми я договорился, запили.

– Один не смогу, – правдиво ответил Вадим. Нужны хотя бы двое. И инструмент.

– Инструмент не вопрос, – дяденька уже воодушевился. – А человека дам, – показал он на незнакомого мужичка, управлявшего машину.

– А он умеет? – Спросил Вадим

– Не хрена он не умеет, – ответил дяденька, иначе чтобы я с тобой разговаривал. Но поможет.

– И что за это? – с интересом спросил Вадим.

– Ну ..., – дяденька задумался, хотя цену вопроса, конеч-

но знал, ведь оговаривал он с предыдущими, -

– Так и быть, десять тысяч!

– На двоих?

– На одного. Мой работник бесплатно.

– Ты дядя, – расстроился Вадим, – меня за дурака держишь? Десять тысяч за сто двадцать метров? Какая стопроцентная цена – Вадим это помнил, хотя это было больше десяти лет назад – пятьсот рублей за метр?

И встал из –за стола.

– Стой, парень! – дядя видимо сообразил, что Вадим действительно знает эту работу.

– Какая твоя цена?

– Пятьдесят тысяч!

– Даю двадцать и по рукам!

– Тридцать, или ухожу!

– Пойдет! ...

... Дядя повел Вадима на территорию своего будущего коттеджа. Пока же здесь стояли одни разбитые геодезистами столбики и лежали профлисты с необходимой арматурой для забора.

– Жить будешь здесь, – вздохнул дядя, заодно и сторожить, а то упрут.

– А где здесь? – удивился Вадим. Кроме голого поля, да деревенских домов вокруг ничего не было.

– Ну, в своей машине, – пояснил дядя. –

Ты же за два дня сделаешь?

– Как пойдет, – вздохнул Вадим.

Договорились так: дядя дает десять тысяч аванса и по мере строительства оплачивает каждые тридцать метров. И привозит еду – завтрак, обед и ужин.

Письмо Светлане

Знаешь, я тебя сейчас люблю больше, чем в начале нашей истории. Хотя не знаю, можно ли любить больше или меньше. Наверное, или любишь или не любишь.

Но правда, тогда, когда все у нас было гораздо ярче, взрывнее, чем сейчас, когда это был просто каждый день, не прекращающийся праздник, безумие какое-то, тогда, как мне сейчас кажется, это была просто страсть! Мы жили хлещущим через край сексом, новизной ощущений, еще черт знает чем, только не любовью.

А сейчас, когда прошел почти год, когда у нас все улеглось, когда уже праздник кончился – ведь не может быть вечного праздника, да многое еще, когда, я умираю без тебя. Я без тебя не могу, мне без тебя ничего не хочется, я без тебя жить просто не могу! – это, наверное, и есть любовь!

Наверное, потому что никто не знает, что такое любовь. Нет такой линейки – измерил, да вот это любовь, а здесь не дотянул два сантиметра – это еще не любовь!

Знаешь, о чем я подумал на счет этой линейки? Вот пройдет много лет с тех пор, как мы расстались, и если я, как и сейчас буду мучиться, потому что не могу без тебя, – вот тут

это будет точно любовь!

Но это вряд ли. Все проходит. Прости.

... Дяденька не обманул. Вадим положил тридцать тысяч рублей в опустошенный кошелек. Запас прочности на ближайшие два – три месяца теперь был.

Можно было отправляться и дальше, четыре дня работы в поту и грязи и три ноченьки в машине не выдержит без душа не один нормальный человек.

– Помыться бы мне, – попросил он у дядьки.

Дяденька по обыкновению почесал затылок.

– Ну, домой я тебя не позову, но сейчас решим...

И повел Вадима к некой Нюре, дом которой находился неподалеку и банька возле него спускалась к самому озеру.

Нюрка оказалась крепко сбитой женщиной лет пятидесяти с веселыми глазами.

– Нюр, вот солдатик на помывку просится, дай ему баньку! Он тебе и дров для нее впрок наколет.

– Какой же это солдатик? – засмеялась Нюра, – Это целый генерал!

– Да, я быстро! – попросил Вадим. Со здоровьем у меня все в порядке. Могу и справку показать. Справки у него не было.

– Где ты его взял? – спросила Нюрка у дядьки. Дядька рассказал.

– Тогда ладно, – решила Нюра. – Пойдем солдатик, я тебе баню покажу. Только быстренько в бане не бывает!

... То, что быстренько не бывает, Вадим понял уже через час.

Нужно было наносить воды из озера, наколоть дрова, дождаться пока она растопит печь, выпустит пар и дым, окотить кипятком скамью и пол, помыть предбанник, в котором стоял диван и стол со стульями...

Так прошло два часа. Наконец он блаженно растянулся не полке и окатил себя из тазика теплой водой.

В блаженном полусне он даже не услышал, как скрипнула входная дверь в баню. А через пять минут в парилку вошла совершенно голая Нюрка, и раскачивая тяжелыми грудями, весело сказала:

– Ну, что помылся, солдатик?! А теперь за работу!

... Не успел Вадим опомниться, как из парилки он оказался в предбаннике, на диване и под ним лежала Нюрка, вцепившись с него всеми руками и ногами.

Когда Вадим обессилил, она крепко сжала его, так же крепко поцеловала, и каким – то уже страстным шепотом сказала:

– Ладно, у нас еще вся ночь впереди! Не здесь..

– Да я бы хотел сегодня уехать, – робко запротестовал Вадим, хотя и Нюрка и предложение провести с ней ночь, ему понравилось.

– Милый, останься – просяще протянула Нюрка. – У меня

ведь нет никого, и сто лет уже этого не было.

– А чего так?

– Ну, откуда здесь в деревне незанятые мужики. Да еще в моем возрасте. А если бы и были – вся деревня будет пальцем тыкать!

– Ну, да, – согласился Вадим, и как же ты?

– Теряю! – усмехнулась Нюрка.

... Ночь, конечно, была жаркой. Всю свою неистовую страсть и накопившееся желание Нюрка отдавала этому случайному для нее человеку.

Вадиму было ее жалко, и он не возражал.

Уже в полночь, когда страсть утихла, и они обессиленные и уставшие распластались на постели, – Вадим зачем-то спросил:

– Нюр, а у тебя муж был?

– И не один, – ответила Нюра.

– А ты их любила?

– Нет, – спокойно ответила она.

– И никого за всю жизнь не любила?

– Любила, – ответила Нюра, – один раз...

Рассказ Нюры

Тем летом Нюра, окончив школу, впервые уехала из деревни так далеко – в Москву. Поступать в институт. И к своему удивлению – поступила. Впереди ждала яркая, веселая жизнь в большом городе, и оно было уверенное, – удивитель-

ное будущее. Общежитие давали только с сентября, но на август тетка, мамина двоюродная сестра, уезжала с семьей в Крым, и разрешила Нюре пожить в пустой квартире.

Съездив, домой, чтобы порадовать маму, Нюра вернулась в Москву.

Июльские дни были жаркими и, бродя целый день по незнакомой удивительной Москве, она время от времени спасалась от раскаленных улиц в тенистых скверах, с трудом находя пустующую скамейку и с облегчением сбрасывая, бо-соножки, отдыхала от бесконечных походов.

Конечно, можно было пойти отдохнуть в какое-нибудь кафе, но и на незатейливые денег не было.

– Чтобы туфли не украли, придется мне их посторожить! – услышала она голос незнакомца, проходящего мимо ее скамейки, и вдруг вернувшегося и севшего рядом.

– Привет, я Коля, – представился довольно симпатичный парень, по-видимому, чуть старше ее возрастом.

– А с чего ты взял, что я буду с тобой знакомиться? – спросила Нюра. На самом деле, спросила больше из приличия. Познакомиться она была совсем не против.

– А с чего бы нам не познакомиться, – не унимался Николай. – Вы одна, я один, вместе веселей. Я ведь вам не замуж предлагаю.

– А зря, – засмеялась Нюра, – может, я и согласилась бы, – и в шутку серьезно нахмурив брови, произнесла, – мне нужны серьезные отношения, а не ваши сюси–пуси!

– Надо подумать, – ответил Николай.

Он оказался свежее испеченным лейтенантом, только что окончившим в Москве военное училище, и так же как и Нюра, успевшим съездить домой навестить родителей, и через Москву возвращаясь, должен поехать к месту своего назначения – куда – то в Новосибирск.

В Москве он собирался провести свою отпускную неделю.

Собеседником он оказался интересным, Москву за время учебы знал хорошо, и водил Нюру по интересным местам. Не приставал, не лез целоваться. Нюре даже обидно стало – неужели она, как девушка, его не интересуется. Но она и не хотела, чтобы целоваться – рано еще, от этого, не дай бог, дети бывают, а ей еще институт заканчивать!

На ночь расходились. Он провожал ее до дома, сам уезжал в общежитие училища.

Так прошло три дня. Они уже так привыкли друг к другу, что других планов, кроме встретиться утром, у них уже не было.

Может быть, и не было бы у них продолжения этого знакомства, если бы Николай не пригласил вечером Нюру в кафе.

В кафе, не говоря уж о ресторане, Нюра доселе не бывала. И первые минуты была очень скованна и не понимала, какое удовольствие получают люди от посещения таких, как ей говорило ее воспитание, злачных мест.

Но Николай, видно по всему, бывал в таких местах не

впервой, и как-то сумел разжать сжавшуюся в пружину Нюру.

Взяли они немного, Николай честно признался, что денег у него немного, но все было очень вкусно, и Нюра была благодарна ему за новые впечатления.

Вечер перестал быть томным, когда проходивший мимо их столика мордovorот задел Нюрин стул, и она с едой грохнулась на пол.

– Поосторожней, нельзя!? – крикнула она вслед парню.

Тот остановился, подошел к Нюре и склонившись к ней, громко сказал:

– Твое дело, девка, ноги раздвигать, а не учить уважаемых людей!

И еще не разогнувшись, получил от Николая такой удар в челюсть, что отлетел на соседний стол, вдребезги разбив все стоящее на нем содержимое.

Уже потом Нюра узнала, что Николай три года в училище занимался в секции бокса.

Немедленно с другого конца зала сбежались дружки этого мордovorота.

Драка была немалая, и дело всех кончилось милицией.

Брали объяснения, писали протоколы. Николай записал все, как было. Прочитавший это дежурный, пожилой майор, устало ему сказал:

– Да ты не парься. Знаем мы эту компашку, не первый раз они у нас. Давай так, сейчас мы тебя отпустим, но ты беги

скорей отсюда. Потому что этих мы тоже отпустим, ну составим протокол о мелком хулиганстве! Я их на часик задержу. Но если они тебя поймают.... И он выразительно посмотрел на Николая.

... Вышли на улицу.

Давай я остановлю такси, довезу тебя до дома, и сам доеду, – сказал Николай, – куда мне в метро с такой рожей?!

Рожа у него была действительно разбита прилично.

– Нет, – решительно вдруг сказала Нюра, – только до моего дома! Во первых, я тебе лицо обработаю, надо чтобы поскорее прошло, во вторых, куда же ты в общежитие с таким фингалом? Там же, наверное, у вас дневальный, сообщит еще ...

– Да, – задумался Николай. Надо бы переждать.

... Легли спать в разных комнатах. Но не спали.

– Нюр! – первым не выдержал Николай, – ты не спишь?

– Нет, – ответила она, – а ты?

– Я же с тобой разговариваю, – засмеялся Николай.

– Ну, давай тогда разговаривать, – разрешила Нюра.

... Разговаривали до утра обо всем, что было интересного в их недолгой жизни, оказывается, у них было столько общих тем, что не надо было напрягаться, о чем бы еще поговорить.

Уснули под утро.

А утром Нюра еще в дремоте почувствовала запах яичницы, кофе – и почувствовала на своей щеке губы Николая. Он будил ее осторожным поцелуем. И какая-то невиданная до-

селе нежность и какое-то горячее чувство поднялось в груди Нюры. И неожиданно для себя, еще как бы во сне, она обняла шею Николая, и стала целовать его в губы, нос, в щеки, не разбирая и покрывая его то ли от благодарности, то ли от проснувшейся любви, поцелуями. Николай упал к ней в постель и ласкал ее лицо, ее тело, целовал в безумном порыве. . . . И только когда, сам не замечая того, он коснулся самого сокровенного, Нюра вдруг сжала его руку, и на ухо тихо и счастливо прошептала:

– Нет! Это потом. Когда-нибудь. Может быть!

Завтракали за залитым солнцем столом. От стола на руках отнес Нюру в ванную, из ванной на руках отнес обратно в постель. Потому что других мест, где бы они хотели быть вдвоем, в квартире не было.

Из дома не выходили. Во-первых, куда Николаю идти с разбитым лицом. Во-вторых, и не хотелось.

. . . В одной отдельно взятой московской квартире, на двадцать первом этаже были он и она. И эти двое забыли, какой сегодня год, какое число, какой день недели, и что там за окном, солнце или дождь, и как там живет весь остальной мир. В их мире были только он и она. И больше ничего!

И все кончилось.

Утром за завтраком Николай долго молчал.

– Мне завтра уезжать, Нюрок!

– Куда?! – это было так внезапно, что Нюра не поняла.

– В место назначения.

Небо обрушилось.

– А как же я?

– Ты же поступила в институт...

– Это было в другой жизни, – почти закричала Нюра, – Коля, я не хочу без тебя!

Николай вдруг просиял. Он схватил Нюру на руки и закружил по комнате.

– Нюра! – кричал он, – я даже не решался это тебе сказать! Нюра! Давай поедем вместе! Нюр! Ты будешь женой офицера! Я обещаю тебе, я обязательно стану генералом!

... Решили так: Николай уезжает по месту назначения. Нюра недели на две три, в крайнем случае – на месяц остается в Москве. Переводится на заочное. Прощается с матерью и улетает к Николаю. Там они сразу идут в загс.

– И там будет это «не сейчас»! – указала Нюра на свое укромное место. – У нас сразу будет ребенок!

– Два! – важно сказал Николай.

... Нюра прилетела через месяц. Николай встретил ее в Новосибирске, и не заезжая в город, на такси повез за сотни километров в свою воинскую часть.

Новое место жительства Нюре понравилось. Часть стояла в сосновом лесу, небольшой городок для офицерского состава располагался в метрах ста и состоял из девяти пятиэтажных домов, клуба и кафе. Оно же служило столовой для холостяков.

Один из домов был семейным общежитием, где Николай

уже получил комнату.

– Пойдем сначала к коменданту, выходя с Нюрой из машины, сказал Николай.

– А я кто? – весело спросила Нюра.

– Ты моя невеста, – серьезно сказал Николай. Я уже написал заявление на имя командира. Вот приеду – сразу будешь женой!

– Куда приеду? – не поняла Нюра.

– Ладно, – промолчал Николай. – Это потом.

... Вечером Николай привел Нюру в кафе, куда он пригласил с десятков своих сослуживцев, которые за этот месяц уже стали друзьями.

– Знакомьтесь, это моя жена! – подводя Нюру к столу, представил ее Николай.

– Слыш, ребят! Колька свадьбу зажимает! – возмущенно крикнул кто-то из друзей.

– Не пойдет! – заорали все. – Ты, Нюра, пока невеста. Вот приедет, сразу свадьбу! – тогда уж и жена.

– Коля, – шепнула Нюра, – ты куда все таки уезжаешь? –

– Потом, Нюр, потом, – давай веселиться! – также на ухо шепнул ей Николай.

... Через два дня Николай, вместе со своей ротой улетел в Чечню.

Командировка обещала быть не долгой – месяца на три. Они должны были наладить связь, на одном из командных пунктов, привезти целый грузовик аппаратуры и вернуться.

– Я не воевать еду, – успокоил Николай Нюра. – Чисто техническая работа, ничего опасного.

– Договорились, что как только приедет – сразу же распишутся.

– Ты пока платье подвенечное готовь! – пошутил Николай.

... Нюра осталась одна.

Николай писал часто, почти каждый день. Не часто приходили сами письма. В Чечне шла война и почта работала, мягко говоря, с перебоями. За все время Нюра получила письма лишь два раза, зато оба раза по целой пачке.

Письма эти лежат у Нюры до сих пор, и до сих пор, очень редк, может быть раз в несколько лет, она перечитывает их и плачет.

... В последнем письме Николай писал, что командировка уже заканчивается и через месяц точно уже он вернется.

Нюра начала готовиться к свадьбе.

... Стояла поздняя золотая осень. Кленовые и березовые листья засыпали дорожки офицерского городка. В один из таких золотых дней молодой еще подполковник, служивший в штабе части и имевший какое – то особое расположение к Нюре, шепнул ей, что борт с возвращающейся ротой и Николаем, ожидается в ближайшую пятницу на военном аэродроме под Новосибирском, и что командир части дал уже распоряжение выслать к часу прилета автобус с патрульной машиной.

... К назначенному дню комната в общежитии, в которой пока жила одна Нюра, была украшена желтыми и оранжевыми букетами из осенних листьев, купленное два месяца назад свадебное платье, которое не помещалось в узенький шкаф, гордо весело на стене, сверху на гвозде свисала на него фата, на столе стояла бутылка вина и ваза с фруктами.

С разрешения коменданта Нюру взяли на встречу роты, и она, водрузив на голову фату, ехала в патрульной машине. Это было шуточное, правда, но условие коменданта.

– Пусть знают наших! – так обосновал он свое разрешение.

На заднем сиденье восседали двое сопровождающих патруль молодые лейтенанты.

Военно-транспортные самолеты не летают по расписанию. Но ориентировочное время было известно. Приехали часа за два до этого времени.

Эти два часа показались Нюре вечностью. И хотя лейтенанты и пытались развлечь ее историями и анекдотами, слушала Нюра их в пол уха.

За эти два часа приземлились четыре самолета. И который раз лейтенанты выскакивали из машины и чуть ли не вытягивались по стойке «смирно», впивались глазами в летное поле.

Наконец, по рации старшего патруля позвали в командную комнату. Дальнейшее Нюра помнит смутно. Что-то очень медленно, очень неохотно возвращался лейтенант

вдоль ограды летного поля.

И вдруг, неизвестно отчего, Нюре стало плохо. Сколько времени провела она так, без сознания, она не помнит. Ее никто не будил, никто не трогал.

Военно-транспортный самолет, возвращавшийся с солдатами и офицерами был сбит, не долетев двадцати километров до границы Чечни.

Нюра замолчала.

– Прости, тихо сказал Вадим, сжав Нюрину руку и поцеловав ее в плечо.

– Ничего, – равнодушно сказала Нюра, – давно было.

– А дальше что? – все-таки спросил Николай.

А дальше пошла по рукам, – усмехнулась Нюра.

Тот самый майор из штаба полка, уговорил ее выйти формально замуж, потому что светило назначение в Германию, а не женатых туда не брали.

– Мир посмотришь! – уговаривал он ее – Куда ты сейчас? В свою деревню? Если хочешь, пальцем тебя не трону, – мы же только формально ...

Пальцем он ее, конечно, тронул и не только пальцем. А в Германию его не послали.

Нюра поехала на родину Николая, – посидеть у его могилы. А зря.

У Николая был брат. Семья у Николая была из староверов. И старший неженатый брат, сказал ей:

– У нас, знаешь, есть такой обычай – брат должен взять в жены жену погибшего брата. Что бы она не осталась одна, чтобы заботиться . . .

Нюре было все равно. Об институте она забыла, назад в деревню возвращаться было не зачем. А здесь к Коле поближе.

Но не любила. И спустя год – развелась.

– Куда было ехать? – закончила свой рассказ Нюра.

– Вернулась. С тех пор здесь и живу.

Вадим обнял ее, улыбнулся, и они заснули.

Письмо Светлане

Помнишь, как–то , после наших первых двух бестолковых свиданий, когда ты всячески уворачивалась от секса, сама себя убеждая, что это все несерьезно, какая–то интрижка, и завтра я от тебя отстану, и ты останешься верна своему мужу, которого ты и тогда, и сейчас, конечно же, любишь, я остановил машину на обочине провинциальной дороги, на какой–то куче мусора, которую даже не заметил, и стал уговаривать тебя уехать вместе на выходные, на какое–то озеро, где мы будем целоваться отупляющими поцелуями, и ты сказала:

– Ну, смотри, что ты делаешь!?! Ты делаешь мне предложение провести две прекрасные ночи и два прекрасных дня, стоя на куче мусора! Я вообще–то достойна чего–то большего! – и засмеялась.

– Значит, ты сказала: Да!

Я был дурак! Эти два дня я таскал тебя по разным тропинкам удивительного леса, я сидел с тобой у на берегах бухт этого удивительного озера, я гулял с тобой в роскошном ресторане этого коттеджного поселка, и уже полу замороженную, полусонную, насмерть уставшую приводил поздним вечером в наш номер, где ты мгновенно засыпала!

А я не мог спать и гладил только голую спину, тихо, стараясь не разбудить, целовал твою попку в сиреневых трусиках ...

Какой же я был дурак! Нужно было вообще не выпускать тебя из номера, не выпускать из постели, и любить, и целовать, и целовать! ...

... Я хочу найти эту кучу мусора, поставить на ней крохотную часовню твоего имени и приходить иногда туда, и молиться за твое благополучие. Правда, молиться я не умею

Дождь кончился. Дорога была мокрая и перед глазами бесконечно мелькали дворники, сметая брызги от встречных и обгоняющих машин, но пейзаж за окном был уже веселее.

Тоска у Вадима не то, чтобы улеглась, но как-то рассеялась, может быть, и разбавилась вчерашней ночью, все-таки это была, если не ночь любви – нет, конечно, но все-таки ночь с женщиной, и почти с нежностью к этой чужой Нюре, которая лежала у него на груди и слезы капали на него....

Все яснее проступала бессмысленность этой поездки в никуда, и конечная цель этого побега также не определялась.

Но он упорно решил ехать, вперед уже не хотелось, но назад не хотелось еще больше.

Все, что он оставил позади, он уже знал, и перспективы в этом не было никакой.

... Маленькая цель, цель на каждый день, все-таки была. Это должен быть, какой-нибудь пригородный мотель, или недорогой отель в районном городке, ночевать же было где-то надо.

Придорожными целями были придорожные кафе, желательно не забегаловки, а что-нибудь симпатичное хотя бы внешне, и Вадим с удивлением обнаружил, что их стало довольно много. Там он или обедал, или пил кофе, и это неспешное сиденье за столиком скрашивало путь.

... До мотеля, который он нашел по навигатору, Вадим добрался часам к семи. В основном мотель был рассчитан на дальнобойщиков, и машина Вадима скромно притаилась среди огромных фур, на обширной площадке.

Конечно, было недорого. Дальнобойщики дорого не берут, и кафе при мотеле, в который он зашел поужинать, было тоже недорогое.

Столики в большом зале все были заняты, и лишь за одним в дальнем углу, сидел угрюмый мужчина лет пятидесяти и медленно пил единственную бутылку пива.

Несмотря на его неприветливый вид, Вадим решил при-

соединиться.

– Можно? – спросил он, подходя с двумя тарелками к столу.

Угрюмый окинул тяжелым взглядом зал, понял, что выхода у Вадима нет, и кивнул головой.

Вадим ел, угрюмый прихлебывал из стакана. Молчали.

Что бы все-таки разрядить обстановку, Вадим спросил:

– Куда едете?

– А тебе интересно?, – спросил Угрюмый.

– Нет, – честно ответил Вадим, – Просто, чтобы поговорить.

– Скучно, что ли? – неохотно спросил Угрюмый, явно не желая вступать в разговор.

– Ну да, я один еду, – молчу целый день.

– Не похож ты на дальнобойщика, – вдруг заговорил с ним Угрюмый.

– А, я и не говорил, что дальнобойщик. А почему не похож? – заинтересовался Вадим.

– Да одет уж больно чисто, – сказал и снова замолчал Угрюмый.

– Это плохо? – попытался продолжить разговор Вадим.

– Да нет, хорошо. Я тоже не всегда таким был.

– А чего ж таки стали? – Вадима особенно тема не интересовала. Но вечер впереди был длинный, и уходить из кафе в пустой номер не хотелось.

– А тебе интересно?, – опять как в начале разговора спро-

сил Угрюмый.

– Ну, так... – неопределенно ответил Вадим, которому этот разговор ни о чем уже начал надоедать.

Угрюмый опять замолчал. Молчал и Вадим. Просто не хотелось уходить. Играла тихая музыка, за некоторыми столиками дальнбойщики уже начали резаться в домино и карты.

Прошло минут двадцать.

– Чего не уходишь? – нарушил молчание Угрюмый.

– Не хочу.

– И я не хочу, – Угрюмый поднял на него глаза.

– Я из тюрьмы – вдруг сказал угрюмый.

– Дело хорошее – вежливо согласился Вадим.

– Это ты про тюрьму? – кулаки Угрюмого начали сжиматься.

– Нет, поспешил Вадим, – я про «из тюрьмы» ! Стало быть, освободились!

– Ну, освободился я, положим, уже год назад.

Рассказ Угрюмого

Вообще-то его звали Олег. Тогда, на заре перестройки, в начале девяностых, ему было чуть больше тридцати.

К своим годам, однако, он уже главный инженер транспортного строительного управления.

Большегрузные автомобили, бульдозеры, трактора, башенные краны – всем этим он управлял и во всем разбирался.

И как-то по всей стране, и объединения и управления начали трещать и разваливаться.

Года через три Олег практически остался на улице. Большое начальство объединения, быстренько приватизировало хозяйство, стало распродавать имущество.

Олегу, в зачет бывших заслуг, удалось по дешевке купить у них не очень старый КАМАЗ, и, имея, слава богу, все мыслимые водительские категории, он устроился на грузоперевозки.

Вроде все было неплохо. Но не регулярно. Дети – сын и дочь, к тому времени поступили в институты. Естественно – не на бюджет. Денег стало требоваться больше и регулярно. И задумался Олег со старым приятелем из строительного объединения, создать небольшое дело – ни много, ни мало – строительную компанию. Он их видел – кругом вырастали частные новостройки, цены на квартиры росли в геометрической прогрессии.

– Дело нехитрое, – убедил его приятель, – техническими и производственными вопросами займусь я, прораба и рабочих найдем – только свистни! Твое дело – финансы и связи с нужными людьми и общий менеджмент.

К удивлению Олега, дело пошло. В то время процветал бартер. Типа ты мне колбасу, – я тебе паровоз! Деньги оказались почти не нужны.

За десяток будущих квартир – взятки получавшие люди из гор управы – выделили участок.

За те же будущие квартиры поставщики материалов и работ возвели фундамент и два этажа. И тогда объявили прода-

жу – деньги покупателей посыпались золотым дождем. Олег был тверд и непреклонен – лишние пока деньги – на счет и пока дом не сдадим ни одной копейки на другие цели!

– Давай хоть зарплату себе увеличим, – возмутился приятель. – Ты же видишь, что уже на счете – денег почти на треть больше, чем нужно для стройки!

Олег говорил: «Нет!»

Так бы ему и дожить жизнь до конца! Первым шагом, после которого он свернул на другую дорогу, было то, что вдруг общее рушилось, что в фирме начали подворовывать.

Компаньон, который вел всю производственную деятельность, оказывается, брал откаты от поставщиков материалов и подрядчиков за выгодные по объемам заказы.

Естественно, для этого завышалась стоимость поставок, и фирма много проигрывала.

Бухгалтерша тоже стала хитрыми схемами уводить деньги.

Олег пригласил аудиторов, ... все стало доказано. В органы Олег обращаться не стал, просто всех уволил. И выбрал единственный надежный способ – фирма стала семейной.

Дети, как раз только что окончили институты, и сын стал его заместителем по производству и материально – техническому снабжению, жена сына – а, женился он уже на четвертом курсе – возглавила отдел продаж, дочь стала главным бухгалтером.

Не при делах осталась только жена Олега.

Семейный бизнес всем нравился. Мало того, что заработанные деньги были общие, общим было, и дело которым они занимались, и зависимости от чужих начальников ни у кого не было.

Денег было много. Построили на одном земельном участке три коттеджа – дочери, сыну, и Олегу с женой.

Никто, ни в чем себе не отказывал.

Бизнес расширялся, и все больше приходилось давать взятки, и кормить нужных людей, ну, да бог с ними. Денег хватало.

Олег с семьей как-то отдыхал в Карловых – Варах и влюбился в этот маленький чешский курорт. Потом ездил туда специально – задумал создать здесь «запасной аэродром», да и просто жить здесь по старости. А дети бы наезжали.

И как-то собрал семейный совет:

– Редкое предложение. Предлагают шикарную виллу на две семьи и собственной территорией в один гектар. По их меркам недорого – пятьдесят миллионов долларов.

– Где деньги, взять?! – сразу среагировал сын.

– Кое-что есть, вы знаете, – ответил Олег – Остальное пока возьмем из поступающих средств. Платить можно в рассрочку в течение года.

– Но это же бюджет строительства всего дома, который мы строим, – возразила дочь.

– Дом-то на что строить?! – загалдели сразу все.

– Не хватит, возьмем с другого объекта, который мы толь-

ко начинаем.

– И так далее, – съязвил сын.

Понятно было, что это пахло керосином.

Но Олегу как в голову вступило – Хочу и все!

– Мало ли у нас пирамид?! – убеждал он семью.

– Все как-то выживают, и лет через пять мы выкрутимся из этой ситуации.

– А нарушение закона о расходовании целевых средств!? А прокуроры, аудиторы?.. – семья возражала все слабее – в Карловы Вары всем хотелось.

– А деньги на что?! – дал последний аргумент против «прокурора» Олег – кто не берет?!

Сделка состоялась. И пирамида, действительно работала бесперебойно и еженедельно, сокращала, долговую часть.

Вмешался случай. Заложили очередной дом, который по их расчетам, за счет своей прибыли позволили бы завершить пирамиду.

И на этом этапе прокуратура опротестовала разрешение на строительство. Рыльце у Олега было действительно в пушку. Путем привычных взяток он выиграл аукцион на земельный участок, но проигравшая компания пошла «во банк» и накатила на прокурора.

Нет проблем – прокуратура была «своя». Но – была!

Как только Олег собрался к прирученному прокурору – того сняли! Из Москвы прислали такого, который знал, зачем он прислан. И доступа на первых порах к нему не было.

А время шло. Дом не строился, квартиры, соответственно, не продавались, и также соответственно, не мог достроиться и предыдущий дом, квартиры в котором были давно распроданы.

Короче – скандал, банкротство, обманутые дольщики, уголовное дело, суд!

И как водится, когда человек тонет под бдительным оком прокурора – отвернулись все!

Села на разные сроки вся семья. Три года в тюремной робе провалялась на нарах дочь, которую сразу же окрутили «мамки».

Два года в тюремной телогрейке отходил сын, по своей интеллигентности и миловидности попал в разряд «опущенных».

Столько же в женской колонии провела жена сына.

И четыре новогодних праздника встретил на нарах сам Олег.

Дома в одиночестве и с заплаканными глазами ждала разоренную семью жена Олега.

Олег освободился. У ворот колонии его никто не встречал. Он доехал. Позвонил в дверь своего дома. Жена открыла. Посмотрела, молча, отодвинулась, давая пройти. Поставили обед на стол. Налила рюмку. Все молча. Когда он поел, тихо сказала:– Теперь уходи. Нет у тебя дома.

Он ушел. Вернее, уехал. Недалеко, в соседнем городе приютил товарищ, определил в свою фирму по грузоперевозкам

дальнобойщиком. С тех пор Олег и ездил, зарабатывал, посылал деньги жене, ночевал в гостиницах. Своего дома не было.

– Долго еще жить. – Закончил рассказ угрюмый – Придет-ся вот так.

– А дети? – спросил Вадим.

– Не, детей нет, – сказал Угрюмый. – Я же им жизнь сломал.

Оба помолчали.

– А ты чего едешь? – спросил Угрюмый.

Вадим рассказал.

– Дурак, ты! – угрюмый загасил сигарету – от себя не убежишь!

– Я знаю, – согласился Вадим, – Но время есть, попробовать можно.

– Пойду! – угрюмый поднялся, и Вадим еще долго слышал уходящие по улице шаги.

Ветер снова срывал с деревьев мокрые листья, налипая их на лобовое стекло, и приходилось щетками смахивать с себя осень.

За окном мелькали маленькие поселки, деревни, промелькали и большие города, и в каждом из домов жили Нюры, Насти, Олеги, каждый со своей удавшейся или неудавшейся судьбой.

Зазвонил телефон.

– Это я, – сказала жена.

– Привет, – ответил Вадим

– А ты где?

– Еду...

– Знаешь, мне предложили возглавить наш филиал в Питере. Сначала оплачивают арендованную квартиру и если через пол – года все будет хорошо, дают ссуду....

– А ребенок?

– Эти пол – года останется с бабушкой.

Вадим молчал.

– Ехать? – спросила жена.

– Езжай – ответил Вадим.

– У меня на завтра билет...

– Тогда чего же ты спрашиваешь?

– А ты приедешь?

– Да я в другом направлении....

Жена положила трубку.

И через пятьдесят километров на развязке появился указатель:

– «Петербург».